

*Роман основан на реальных событиях.
Из уважения к чувствам живущих и памяти
погибших имена действующих лиц изменены.*

Содержание

ПРОЛОГ	9
ЧАСТЬ I	13
ЧАСТЬ II	47
ЧАСТЬ III	93
ЧАСТЬ IV	141
ЧАСТЬ V	183
ЧАСТЬ VI	225
ЧАСТЬ VII	263
ЧАСТЬ VIII	305
ПОСЛЕСЛОВИЕ	345

Пролог

1992 год

Зал суда был полон — яблоку негде упасть. Люди сидели, стояли в проходах и возле стен, толпились в коридоре. Судья, немолодой уже мужчина в строгом костюме, сидел на возвышении в кресле с высокой спинкой, листал папку с материалами дела.

Напротив, там, где обычно находилась скамья подсудимых, стояла металлическая клетка, а внутри нее, возле микрофона, сидел осунувшийся бритый наголо мужчина в очках в роговой оправе.

Мужчина не выглядел угрожающе, от такого не ждешь чего-то опасного. Но не было ни в этом зале, ни в этом городе человека страшнее его.

— Подсудимый, среди ваших жертв двадцать один мальчик. — Голос судьи звучал глухо и неприязненно, несмотря на то, что суду полагается быть беспристрастным. — Почему вы так часто выбирали мальчиков?

— Все равно, — лениво отозвался подсудимый. — Я и женщинам предложения делал.

— В материалах дела сказано, что вы вырезали у своих жертв органы. Как поступали с вырезанными органами после?

— Разбрасывал по дороге, затапывал, смешивал с грязью — ничего не соображал, — человек в клетке сказал это обыденным тоном.

В зале стояла гнетущая атмосфера. Люди — в большинстве своем родственники жертв — были подавлены и обозлены, и ответы подсудимого еще сильнее будоражили их.

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

— А вещи жертв? Деньги, часы, украшения?

Человек в клетке в одно мгновение оживился и вскочил в праведном гневе.

— Конечно, выбрасывал, втоптывал в землю! — затараторил он возмущенно. — Я вам не жулик какой.

— Вы никогда не задумывались, что жертвам больно? Неужели, убивая мальчиков, ни разу не подумали о своем сыне?

Но подсудимый уже не слушал, его оскорбило предположение, что он мог позариться на чужие вещи.

— Я не вор какой-нибудь! — негодовал он, игнорируя новые вопросы судьи. — Я честный человек!

— Повторяю вопрос...

— Я пришел сюда на свои похороны! — не унимался человек в клетке, перебив судью. — Все меня ненавидят! А вы успешно сами себе вопросы задаете и сами на них отвечаете. Оставьте меня в покое...

По залу прошел ропот, но подсудимого это, кажется, нисколько не взволновало. Он бормотал теперь что-то мало-разборчивое под нос и суетливыми движениями расстегивал рубаху на груди.

Ропот усилился. Судья похлопал ладонью по столу, призывая всех к порядку. Но остановить недовольство в зале было уже не так просто. Да и человек в клетке повысил голос настолько, что теперь значение его невнятного бормотания прояснилось — это были слова «Интернационала»:

Вставай, проклятем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

Подсудимый кричал уже в полный голос, распахивая рубаху на груди:

ЧИКАТИЛО. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был никем — тот станет всем!

— Закройте рот, подсудимый! — повысил голос судья. —
В газетах пишут, что вы ненормальный! А вы — нормальный!

Словно пытаясь оспорить это утверждение, подсудимый спустил штаны, раскинул в стороны руки и застыл перед судом со спущенными штанами и обнаженным членом.

Напрасно судья стучал по столу, призывая к порядку. Люди в зале возмущались, а тот, кто вызвал это возмущение, продолжал кричать:

Это есть наш последний
И решительный бой;
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

— Выведите подсудимого из зала суда, — рявкнул судья, отчаявшись добиться порядка.

Конвоиры бросились открывать замок. Мешая друг другу, попытались одновременно натянуть на подсудимого штаны и вытащить его из клетки. Но тот лишь извивался, продолжая фальшиво выкрикивать слова «Интернационала»:

С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Под негодующие крики конвоиры выволокли наконец подсудимого из клетки, завернули ему руки за спину и потащили к расположенной рядом лестнице, которая уходила во тьму, словно в преисподнюю.

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

Человека из клетки увели, затих где-то далеко внизу «Интернационал», но в зале спокойнее не стало. Люди не годовали. Процесс шел уже несколько недель, но до финала было еще далеко.

На дворе стоял тысяча девятьсот девяносто второй год. Человека в клетке звали Андрей Романович Чикатило.

ЧАСТЬ I

1992 год

Несколькими месяцами ранее народу в зале заседания суда было столько же, но настроение царило другое: было меньше усталости, а вот ненависти и слез, пожалуй, побольше. Судья тогда выглядел спокойнее. Только сам Чикатило не изменился: он сидел в клетке с тем же скучающим видом.

— Подсудимый Чикатило, вернемся к восемьдесят шестому году, — сказал судья. — В том году вы не совершили ни одного убийства. С чем это связано?

— Незачем было, — Чикатило лениво зевнул, неприятно раззявив рот и не пытаясь прикрыть его.

— Говорите в микрофон.

— У меня был подъем в работе, — подсудимый нехотя придвинулся к микрофону. — В честь пятидесятилетия приветственный адрес¹ мне вручили. Дома все хорошо было. Нормальная психика была.

— Значит, вы могли сдерживать свои порывы?

Чикатило не ответил, лишь криво растянул губы в улыбке.

* * *

Чикатило соврал. Далеко не все хорошо складывалось у него в восемьдесят шестом году. Нет, на работе и в самом деле был подъем, и юбилей прошел чудесно. Вот только дома наметился разлад.

¹ Приветственный (поздравительный) адрес — послание сотруднику предприятия в связи с празднованием персональных или публичных памятных дат или праздников, в котором выражаются благодарности и пожелания получателю. (Прим. ред.)

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

А началось с того, что из Ростова-на-Дону после сдачи экзаменов приехала дочь Людмила. Родители встретили ее с радостью, Фаина тут же принялась за готовку, а Чикатило прохаживался рядом, поторапливая жену народной мудростью: «Все, что есть в печи, на стол мечи». Вот только сама Люда все больше хмурилась и была чем-то глубоко озабочена. Матери она отвечала все больше невпопад, отцу не отвечала вовсе.

Ближе к обеду выяснилось, что в доме нет хлеба, и Чикатило отправился в булочную на углу, где, по его словам, «нарезной» всегда свежий. Фаина не стала дожидаться возвращения мужа, усадила детей обедать. Юрка уминал котлеты за обе щеки, Люда же, напротив, была притихшая и вяло ковыряла вилкой в тарелке.

— Людочка, а ты почему ничего не ешь? — забеспокоилась Фаина. — Я вот синенькие сделала, как ты любишь... Или экзамены плохо сдала?..

— Мама! Экзамены я нормально сдала... Тут другое...

— Что?

— Потом скажу, — Людмила зыркнула на брата и потупилась.

Юрка ничего не заметил. Он первым доел, шумно поднялся из-за стола и, положив тарелку в раковину, бросил на ходу:

— Мам, спасибо. Я пошел! Отцу привет, когда придет!

Он вышел из кухни, повозился в прихожей, было слышно, как он одевается. Хлопнула входная дверь, и все стихло.

Дождавшись, когда они останутся наедине, Фаина вопросительно посмотрела на дочь.

— Мне такое рассказали... — Людмила смотрела в тарелку, боялась поднять глаза. — У нас в абитуре девочка была... Она у отца училась, когда он в школе работал. Как фамилию мою узнала...

Людмила замолкла, а потом решительно подняла взгляд и пристально посмотрела на мать.

ЧИКАТИЛО. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

— Мам, а папа... он извращенец, да? Его за это из школы выгнали?

Вопрос полоснул, словно плетью, повис в воздухе. Фаина поджала губы. Не думала она, что когда-нибудь еще заговорит с кем-то на эту тему. Тем более с дочерью.

— Господи, опять это вранье... — процедила Фаина сквозь зубы. — Не выгнали его. Он сам заявление написал!

— Какая разница! — взъелась Людмила.

— Большая! Его заставили, поняла? Там дрянь какая-то, сикилявка, училась плохо, а отец ей хорошие оценки за красивые глаза ставить не хотел. Вот она и отомстила — напле-ла с три короба, что он что-то там от нее требовал в классе...

Люда недоверчиво посмотрела на мать.

— Эта девочка... Она сказала, что отец... Он в трусы ей залезал! И хватал. Он хотел ее...

— Вранье! — Фаина попыталась сдержаться, но сорва-лась на сдавленный крик.

Но во взгляде дочери не было веры.

— У нее нервный срыв был... Она в больнице лежала...

В коридоре щелкнул отпираемый замок, тихонько хлоп-нула входная дверь, послышались шаркающие шаги. Люд-а замолчала, плотно сжала губы. На пороге появился Чика-тило с авоськой.

— «Нарезного» не было. «Московский» взял. И еще, Лю-дочка, булочек сдобных с изюмом, твоих любимых.

Люд-а резко посмотрела на улыбающегося отца.

— Отец, за что тебя уволили из школы тогда? Только честно!

— Да я сам ушел. — Внезапный вопрос застал Чикатило врасплох. — Там была одна... Она на меня заявление напи-сала... Учиться не хотела, хвостом перед мальчиками вертеть любила. В общем, отомстила мне. Дети хитры и коварны...

Чикатило снова улыбнулся.

— И за это ты с ней в классе заперся?!

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

Чикатило вздрогнул, как от пощечины, и взглянул на дочь растерянно и зло.

— Откуда ты знаешь?

— То есть это правда?! Ты трогал маленькую девочку... — На глазах Людмилы навернулись слезы.

— Нет, это ложь, — Чикатило уже взял себя в руки и говорил спокойно.

— Люда, ты как с отцом разговариваешь?! — вклинилась Фаина.

— Он мне не отец! — Люда выскочила из-за стола и убежала из кухни.

* * *

Неважно шли дела и у следственной группы. Радость от поимки преступника сменилась разочарованием и усталостью, когда стало ясно, что задержанный Калинин если и преступил закон, то совершенно точно никого не убивал.

Совещание давно закончилось. Кесаев вышел после него сердитый и озадаченный, а через полчаса в кабинете полковника затрещал телефон. Звонили из Москвы. Коротко поздоровались, сухо пригласили в столицу и холодно попрощались. Звонок этот не предвещал ничего хорошего.

О своем отъезде Кесаев сообщил только Ковалеву как главе уголовного розыска Ростовского УВД. Но что знают двое, знает и свинья.

— А где Кесаев? — поинтересовался заглянувший в кабинет к Ковалеву Липягин.

— Зачем он тебе?

— Документы передать.

— Оставь свои документы, — отмахнулся Ковалев, — полковник в Москву умотал.

— Опять жаловаться? — усмехнулся Липягин.

— Знаешь, Эдик, он мне не докладывает, — разозлился Ковалев, который, как и московский коллега, от срочных

ЧИКАТИЛО. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

вызовов навверх ничего хорошего не ждал. — А ты зря смеешься. Он персонально под тебя копает, как бригада экскаваторщиков. И если б ты знал, с чем он ко мне приходит, ты бы тут не ухмылялся, блядь.

— Ты чего, Семеныч? — озадаченно спросил майор, потеряв всю веселость.

— Ничего, — зло пробурчал Ковалев. — Ничем хорошим эти его поездки еще не заканчивались. И хрен его знает, какую хуйню он из столицы на этот раз привезет.

* * *

Ничего плохого в этот вечер не ждала от жизни только старший лейтенант Ирина Овсянникова. Рабочий день закончился, она шла по улице под руку с любимым человеком и была вполне счастлива. Вот только любимый человек, капитан Витвицкий, пребывал в задумчивости. Ирина попыталась понять его настроение, с сочувствием заглянула капитану в глаза.

— Что с тобой?

— Устал, — пожал плечами Витвицкий. — Я очень за тебя волновался, когда ты пошла на задержание.

Овсянникова улыбнулась. Волнения капитана казались ей безосновательными, а оттого особенно трогательными. Ирина не раз участвовала в оперативных мероприятиях. Иногда это было на самом деле небезопасно, но точно не в этот раз.

— Зря волновался. Ничего бы он мне не сделал.

— Был бы убийцей, мог бы и сделать, — не согласился Витвицкий.

Овсянникова снова улыбнулась.

Они остановились у входа в гостиницу. Овсянникова взяла Витвицкого за руку.

— Ну что, товарищ капитан, до завтра?

Витвицкий на секунду замялся, обдумывая что-то.

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

— А пойдем ко мне? — выпалил вдруг, словно кидаясь с головой в омут. — Поужинаем в ресторане. Там сносно кормят. А потом...

Он вдруг осекся, поразившись смелости собственных мыслей, чем еще больше развеселил Ирину.

— Предлагаешь мне в гостинице заночевать? — озорно спросила она.

Витвицкий окончательно стушевался.

— Знаешь, а поехали лучше ко мне, — предложила она. — Поужинаем дома. Я сносно готовлю.

— Ты уверена? — растерялся Витвицкий, совершенно не ожидавший такого поворота.

— Что я сносно готовлю? — рассмеялась Ирина. — Это крайне неприлично, товарищ капитан, сомневаться в моих кулинарных способностях. Я не давала вам повода для этого.

— Да нет, Ирина... — забормотал капитан под нос. — Я не об этом... Я...

— Так что? Идем? — Овсянникова взяла быка за рога.

Она смотрела на него, и он тонул в ее глазах.

— Идем, — кивнул Виталий, и они направились к автобусной остановке.

* * *

Ирина, как оказалось, жила в коммуналке. Они пришли сюда уже затемно. Овсянникова распахнула дверь, и темноту в крохотной прихожей разрезала полоска света. Витвицкий успел разглядеть старую обшарпанную рогатую вешалку, закрытые двери в несколько комнат и одну распахнутую — на общую кухню.

— Тихо, — прошептала Ирина. — Проходи, только вешалку не урони.

Следом за этим предупреждением закрылась входная дверь, и прихожая снова потонула во мраке. Прошуршали шаги, и заскрежетал ключ в замке.

ЧИКАТИЛО. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

— Не волнуйся, я аккуратно, — отозвался Витвицкий, обращаясь к мягкой темноте, в которой Ирина возилась с замком своей комнаты.

Витвицкий двинулся на этот звук, старательно огибая вешалку по широкой дуге, чтобы уж точно ее не опрокинуть, но неожиданно споткнулся, наступив на что-то. Раздался обиженный кошачий мяв.

— Вот ведь... Кошка! — с досадой прошептал капитан.

Ирина тихонько хихикнула в темноте и отперла наконец дверь комнаты.

— Это соседская кошка, — пояснила она шепотом. — Заходи.

Витвицкий шагнул через порог, Ирина закрыла дверь и щелкнула выключателем. Свет ударил в глаза, заставляя Виталия сощуриться. Он аккуратно разулся и огляделся.

Комната оказалась довольно просторной. В углу возвышался большой шкаф, чуть в стороне от него стояла разложенная, но аккуратно укрытая покрывалом софа, рядом высился торшер. По другую сторону — стол, кресло, пара стульев. Над столом висели несколько книжных полок.

Витвицкий неспешно прошел к полкам, принялся изучать тисненые корешки. Овсянникова на это улыбнулась.

— А ты все-таки, смотрю, настоящий интеллигент.

Витвицкий обернулся, вопросительно поглядел на девушку.

— Разулся и первым делом к книжным полкам пошел, — пояснила Ирина все с той же теплой улыбкой. — И, наступив в темноте на кошку, назвал ее кошкой.

Она подошла к шкафу, открыла его, отгораживаясь дверцей, словно ширмой, от остальной комнаты, быстро сняла китель. Витвицкий деликатно отвернулся и снова принялся рассматривать полки.

Библиотека у Ирины была небольшая, основу ее составляли новые книги модных современных авторов. Только на

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

одной полке стояло несколько старых, пропыленных томиков классики. Так бывает, когда переехавший в новый дом человек забирает из старого несколько особенно любимых книг.

— А я не знал, что ты в коммуналке живешь, — заметил Витвицкий, не оборачиваясь, чтобы не смущать переодевающуюся девушку.

— Думал, с родителями? — поинтересовалась Ирина.

— Почему обязательно... — Виталий чуть смешался. — Может, с бабушкой.

— Нет. Они сами в центре. И расселение у нас в ближайшее время не планировалось. Так что когда от работы предложили комнату, я согласилась. Отсюда до Управления далековато, но зато я сама по себе.

Закончив с переодеванием, Овсянникова закрыла шкаф и подошла к Витвицкому.

— А ты?

— Я с мамой, — Виталий потупился, хотя никогда раньше не стеснялся того, что живет с матерью.

Злясь на себя за невесть откуда взявшееся смущение, капитан обернулся, посмотрел на Ирину и окончательно оробел. Такой он ее прежде не видел. Овсянникова стояла перед ним не в форме, не в каком-то выходном наряде, призванном произвести впечатление, а в домашнем халатике. В ее теперешнем виде было что-то уютное и бесконечно милое.

— Ирина...

— Что? — Снова улыбнулась она.

Витвицкий в ответ только покачал головой.

— Располагайся, — пригласила Ирина, — а я пойду на кухню, займусь ужином.

Она коротко поцеловала его в губы, собираясь выйти, но он не дал ей такой возможности, притянул к себе и поцеловал в ответ долго и нежно.

ЧИКАТИЛО. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

* * *

На дежурство Чикатило всегда приходил немного заранее. Он вообще старался произвести в народной дружине хорошее впечатление. Терять здесь место не хотелось, это было бы недальновидно, ведь пока он работал в тесном сотрудничестве с органами правопорядка, мог не беспокоиться о том, что мимо него пройдут какие-либо новости об охоте на Ростовского потрошителя.

В этот день он пришел на место встречи даже раньше инструктора. Впрочем, тот не заставил себя долго ждать.

— Здорово, Романыч, — поздоровался он издалека.

— Здравствуйте, — кивнул Чикатило.

Милиционер подошел ближе, протянул руку для рукопожатия:

— А Панасенко где?

Чикатило застенчиво улыбнулся, пожал плечами. Панасенко, как всегда, опаздывал, он, кажется, ни разу еще не пришел вовремя. К этому пора бы было привыкнуть, но реакция у инструктора на задержки нерадивого дружинника зависела от настроения. Когда оно было хорошим, он просто не замечал опозданий. Сегодня он был не в духе.

— Опять, значит, опаздывает, — мрачно произнес он.

Чикатило не хотел обсуждать Панасенко, а потому занялся делом: достал из кармана красную повязку дружинника, аккуратно натянул ее себе на плечо.

— Хоть кол ему на голове теши, — продолжал между тем негодовать инструктор. — Выставить бы его, паразита, из ДНД, только не время сейчас. И так людей не хватает.

— А что такое? — насторожился Чикатило.

— Распоряжение по области с самого верху. Всем ловить этого... в шляпе... — понизив голос, поделился инструктор. — Милицию, народные дружины, комсомол — всех приказали задействовать, чтобы под каждым кустом на него засада была.

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

У Чикатило подрагивали пальцы, и ровно зафиксировать на плече повязку не получалось.

— И долго так ловить собираются?

— Пока не поймают, — ответил инструктор и подался к Чикатило, заметив его заминку с повязкой. — Да чего ты возишься? Давай помогу.

Чикатило не стал сопротивляться.

— В общем, операция «Лесополоса» у нас. Понимаешь ситуацию? — Продолжал изливать душу милиционер, помогая Чикатило. — А тут работать с обалдуями вроде этого вашего Панасенко приходится. Хорошо еще, что ответственные люди вроде тебя встречаются, а то совсем хоть в петлю лезь.

— Салют! — весело приветствовал подошедший Панасенко. — Ну, что я пропустил?

— Время сбора ты пропустил, товарищ Панасенко, — сердито пробурчал инструктор. — В другой раз выговор тебе влеплю.

— Да ладно, отец-командир, — отмахнулся тот, — мы же не в армии.

— Продолжишь в том же духе, получишь выговор уже сегодня, — еще сильнее озлился милиционер. — Бери пример с товарища Чикатило. Он раньше меня пришел и в работе аккуратен, дай бог каждому.

Панасенко вытянулся во фрунт и дурашливо приложил руку к виску, отдавая честь:

— Слушаюсь, товарищ командир. Есть брать пример с Романыча.

— К непокрытой голове руку не прикладывают, — устало отмахнулся инструктор. — Идем. Сегодня отработываем электрички.

* * *

Ночь прошла чудесно, и в Управление Витвицкий пришел в приподнятом настроении. Впрочем, его тут же и испортили.

ЧИКАТИЛО. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

— Товарищ капитан, вас руководство искало, — сказал дежурный на проходной.

Начальством, которое могло искать капитана, мог быть только Кесаев. А полковник подчиненных к себе приглашал не на чай с плюшками. Потому в кабинет к руководству Витвицкий входил, ожидая не самого приятного разговора, но реальность превзошла все самые мрачные ожидания.

— Вызывали, Тимур Рус... — начал Витвицкий, прикрывая за собой дверь, и осекся на полуслове.

За столом на месте Кесаева сидел майор Горюнов и смотрел на капитана со своей извечной нагловатой улыбкой.

— Доброе утро, Виталий Иннокентьевич, — приветствовал майор, и в голосе его прозвучала насмешка.

— Что вы здесь делаете? — холодно поинтересовался Виталий.

— Не очень любезно с вашей стороны начинать разговор с начальником с подобных вопросов.

Витвицкий растерянно заморгал, пытаясь осмыслить происходящее, но появление майора в виде хозяина начальственного кабинета не укладывалось в голове. Чтобы не стоять соляным столпом, Виталий Иннокентьевич снял очки и протер стекла. На лице Горюнова появилась откровенная насмешка.

— Что ж вы стоите? — Майора явно забавляла ситуация, и он продолжал развлекаться. — Присаживайтесь, товарищ капитан.

— Благодарю, — произнес Витвицкий.

Голос его прозвучал предательски сипло. Виталий откашлялся, сел к столу.

— А что с Тимуром Руслановичем? — спросил он угрюмо.

Вызов к Кесаеву казался ему теперь светлой перспективой.

— Во-о-о-т, — протянул Горюнов, — вы уже задаете правильные вопросы. Тимура Руслановича отозвали в Москву. Появилось мнение, что после начала операции «Лесополоса» он больше не нужен в Ростове.

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

— И он согласился? — удивился капитан.

— Что значит «согласился»? Согласия никто не спрашивает. Партия сказала: «надо», комсомол ответил?..

Горюнов сделал многозначительную паузу и выжидательно посмотрел на Витвицкого.

— «Есть!» — буркнул под нос Виталий, заканчивая избитую фразу.

— Верно понимаешь обстановку, капитан, — бодро похвалил Горюнов. — И пока другого решения со стороны Москвы нет, временно исполняющим обязанности руководителя межведомственной группы назначен я. Так что в другой раз давай-ка все вопросы, предложения и отчеты по форме.

Витвицкий неприязненно поглядел на Горюнова. Работать под началом этого человека ему хотелось в последнюю очередь. Уж лучше бы исполняющим обязанности руководителя назначили Ковалева.

— А рапорт по форме я могу подать? — мрачно спросил капитан.

— Можешь, — с усмешкой отозвался Горюнов. — Только я его не приму, так что не трать время и бумагу.

* * *

В электричке было немногочленно: у окна сидел старик в очках и шляпе, с тряпичной сумкой на коленях, напротив него женщина с маленькой девочкой. Да еще пяток пассажиров на весь вагон.

Женщина с увлечением читала детектив Дика Френсиса, девочка болтала ногами. История про жокеев и махинации на скачках так увлекла молодую мать, что на девчущку она практически не обращала внимания.

— Мама, а когда мы приедем? — в который раз спросила девочка.

— Скоро, — не отрываясь от книги, отвечала женщина.

— А сколько еще станций?

ЧИКАТИЛО. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

— Восемь, — в голосе матери появилось легкое раздражение. — Я же тебе говорила.

Разъехались в стороны двери, и в вагон из тамбура вошли трое: инструктор и Чикатило с Панасенко. Они неторопливо шли по проходу, внимательно приглядываясь к пассажирам. Увлеченная детективом мать не обратила на них внимания, скучающей девочке они тоже показались неинтересными.

— Ты говорила девять, — не унималась девочка.

— Я говорила «девять» одну остановку назад. Ты же умеешь считать, — женщина перелистнула страницу, так и не оторвав глаз от книги.

— Скучно-о-о, — заныла девочка.

Старик в очках и шляпе, с интересом наблюдавший за этой сценой, улыбнулся девочке. Девочка смутилась, отвернулась к окну и снова принялась болтать ногами. Старик развернул сумку, вытащил из нее бумажный кулек с конфетами «Полет», вынул пару конфет и протянул девочке. Девочка, поколебавшись, взяла конфету.

Мама бросила на дочку короткий взгляд поверх книги:

— Что надо сказать?

— Спасибо, — дежурно поблагодарила старика девочка.

— Пожалуйста, — кивнул тот и потрепал девчужку по плечу. — А ты потерпи. Знаешь, как в песне поется? «Надо только выучиться ждать»¹.

Эта любезность от человека в очках и шляпе не укрылась от глаз Панасенко. Он приостановился в проходе и незаметно кивнул инструктору в сторону подозрительного старика.

Милиционер среагировал мгновенно, остановился возле пассажира, перекрывая ему пути к выходу, козырнул:

— Добрый день, гражданин, можно ваши документы?

— А что такое? Что случилось? — Тут же взволновалась тучная женщина с соседнего ряда.

¹ Строка из песни «Надежда», наиболее известной в исполнении Анны Герман. (Прим. ред.)

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

— Ничего. Все в порядке, — обернулся Панасенко, пытаясь успокоить ее.

И только Чикатило не остановился. Он шел, не замечая ничего вокруг, пока не прошел вагон насквозь. Толкнул двери, вышел в тамбур. Остановился, только теперь заметив, что коллеги остались в вагоне.

Двери тамбура сомкнулись, оградив Чикатило от инструктора, Панасенко, женщины с девочкой, старика с матерчатой сумкой, взбалмошной тетки. Звуки вагона отрезало, слышен был лишь стук колес. Происходящее в вагоне напоминало пантомиму.

Вот старик достал из внутреннего кармана бережно обернутый бумагой паспорт. Передал инструктору. Вот инструктор посмотрел в документы, перелистнул страницу, спросил что-то. Вот Панасенко попытался успокоить перевозившуюся даму.

Звуков не было, лишь стучала кровь в висках и вторили ей колеса на стыках. Дудух-дудух, дудух-дудух...

Чикатило уперся лбом в грязное стекло двери.

«Милицию, народные дружины, комсомол — всех приказали задействовать, чтобы под каждым кустом на него засада была», — прозвучал у него в голове голос инструктора.

«И долго так ловить собираются?»

«Пока не поймают».

Дудух-дудух, дудух-дудух, дудух-дудух...

Инструктор вернул старику документы. Что-то сказал. Но Чикатило слышал только стук колес и голоса в голове:

«И долго так ловить собираются?»

«Пока не поймают».

Инструктор взял под козырек, вместе с Панасенко направился к тамбуру.

Чикатило отлип от стекла и отступил к двери вагона.

Дудух-дудух, дудух-дудух, дудух-дудух — стучали колеса.

ЧИКАТИЛО. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

«Пока не поймают, пока не поймают, пока не поймают», — звучал им в такт, не унимаясь, голос инструктора в голове.

Чикатило прислонился спиной к стене, запрокинул голову и закрыл глаза. Разъехались с характерным звуком двери тамбура.

— Романыч, ты чего? С сердцем плохо? — прозвучал совсем рядом голос инструктора. Живой, настоящий, здесь и сейчас.

Чикатило открыл глаза. Перед ним стояли инструктор и Панасенко.

— Нормально все, — криво улыбнулся он.

1992 год

Отчего-то именно эта сцена вспомнилась ему в зале суда.

— Подсудимый, повторяю вопрос.

— Я не то чтобы «мог сдерживаться»... — отозвался Чикатило, отгоняя воспоминания. — Я знал, что занимаюсь презренным делом, давал себе клятвы, что больше не буду...

— Вы знали, что вас разыскивают?

— Да, знал, что ищут. Разыскивали, следственные органы осуществляли сплошное физическое покрытие. Я же в народной дружине состоял. Мы дежурили на вокзалах, в парках, электричках. В общем, прикрывали все места, возле которых находили трупы, все подходы и отходы.

Чикатило ухмыльнулся и снова позволил нахлынуть воспоминаниям.

* * *

Чикатило и Панасенко стояли на полупустой пригородной платформе. В стороне, у щита с расписанием, сидела немолодая женщина, торгующая семечками. С ней о чем-то разговаривал инструктор.

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

Панасенко посмотрел на просвечивающее сквозь пелену облаков солнце, улыбнулся и зажмурился.

— Красота! Сейчас бы на речку, а мы по электричкам шатаемся.

Вдалеке раздался мерный рокот. Он нарастал, приближаясь, и люди на платформе запрокинули головы в поисках источника звука.

Вертолет вынырнул из-за деревьев, прошел над платформой и скрылся. Панасенко, прикрыв ладонью, словно козырьком, глаза от солнца, проводил его взглядом.

— Пожарный, что ли? Горит где опять?

— Не, вроде не пожарный, — покачал головой Чикатило.

К ним подошел инструктор с кульком семечек, сплевывая на ходу шелуху.

— Наш это, — сказал он, отсыпая Панасенко семечек.

— А чего он тут летает?

— А чего мы тут по электричкам ходим? Вот и он по той же причине.

Чикатило посмотрел туда, куда улетел вертолет, скривил губы.

— Романыч, семечки будешь? — спросил инструктор.

Чикатило посмотрел на него, продолжая ухмыляться, отрицательно покачал головой.

— Нет. Спасибо.

* * *

В Управлении внутренних дел Ростова шло очередное совещание. Участники группы по поимке потрошителя сидели как оплеванные — результата не было. Полковник Ковалев говорил сдержанно, но чувствовалось, что он на взводе:

— ...Таким образом, гражданин Калинин к нашим убийствам отношения не имеет.

Витвицкий задумчиво кивнул.

— И вся эта «Лесополоса» не дает никакого результата, — сказал Липягин. — Поставили на уши всю милицию,

ЧИКАТИЛО. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

гоняемся за теньями, а преступник где-то ходит и над нами посмеивается.

— До недавнего времени, Эдуард Константинович, вы были уверены, что преступники у вас в камере сидят, — подал голос Витвицкий.

Горюнов красноречиво посмотрел на него, капитан отвел взгляд. Тогда Олег Николаевич повернулся к Липягину.

— Неправ ты, майор. Отрицательный результат — тоже результат. Просто из него нужно сделать правильные выводы.

— Это какие? — взъелся Липягин. — Что помимо преступника, которого мы не можем поймать, у нас теперь есть куча комсомольцев и прочих добровольных помощников, которые в казаков-разбойников не наигрались? И вместо того, чтобы ловить убийцу, мы теперь будем каждый божий день проводить задержания граждан, которые, как этот вот Калинин, порезались, пока рыбу чистили или винегрет крошили?

— Задержания мы, конечно, проводить будем, — не стал спорить Горюнов. — И, скорее всего, среди них будет немало ошибочных. Но твое заключение неверно. При таком внимании со стороны органов преступнику будет затруднительно совершить убийство и не попасться — вот верное заключение.

Ковалев, внимательно слушавший их, нахмурился.

— При таком внимании преступник может затаиться, лечь на дно, переждать, — сказал он.

— Долго пережидать он не сможет, — возразил Витвицкий.

— Чего это вдруг? — не понял Липягин.

— Не вдруг. — Виталий упрямо наклонил голову. — Частота убийств растет. Это значит, он вошел во вкус. Не может сдерживаться. Значит, рано или поздно проявит себя.

— Отлично! — усмехнулся Ковалев. — Только долго направлять все силы милиции области на поимку одного человека мы тоже не сможем.

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

— Ошибаетесь, товарищ полковник, — не согласился Горюнов. — Дело «Лесополоса» поставлено на контроль во всех вышестоящих инстанциях, в том числе в ЦК КПСС. И как сказал генеральный прокурор: «В стране нет дела более важного, чем “Лесополоса”». И коль скоро руководство операцией возложено на меня, давайте работать.

Горюнов поднялся из-за стола, направился к двери. Следом потянулись остальные. Только Ковалев остался сидеть на своем месте, постукивая ручкой по столешнице.

Последним шел Липягин.

— Эдик, — окликнул Ковалев. — Задержись.

Липягин прикрыл дверь, вернулся к столу. Ковалев кивнул на место Горюнова.

— Что думаешь?

— Новая метла метет по-старому, — пожал плечами Липягин.

— Заговорил по-другому. Силу почувствовал, сука!

— Это на совещании, — махнул рукой Липягин. — Может, тебе с ним наедине поговорить, а, Семеньч? По-свойски. Он вроде попроще Кесаева будет. Хороший повод с московскими замирииться.

— Так он врио¹. Чего мне с ним договариваться, если завтра из Москвы какого-нибудь нового Кесаева пришлют?

— Может, пришлют, а может, и не пришлют. Нет ничего более постоянного, чем временное, сам знаешь.

— Блядь, — с досадой в голосе выругался Ковалев, — скорей бы уже все это закончилось...

* * *

Горюнов сидел над материалами дела, когда в дверь осторожно постучали. Тут же, не дожидаясь ответа, вошел Ковалев. Горюнов как бы невзначай перевернул документы на столе текстом вниз и с радушной улыбкой поднялся из-за стола.

¹ Временно исполняющий обязанности. (Прим. ред.)

ЧИКАТИЛО. ЗВЕРЬ В КЛЕТКЕ

— Александр Семенович, чем обязан?

Ковалев оценивающе посмотрел на Горюнова, усмехнулся.

— Да вот, Олег Николаевич, хотел с вами о делах наших скорбных покаялаться.

— Так вроде рабочий день закончился, — нахмурился Горюнов.

— А я, так сказать, в неформальной обстановке.

Ковалев достал бутылку коньяка, поставил на стол перед Горюновым.

— Вы как на это смотрите, Олег Николаевич?

Ковалев улыбнулся, но улыбка была натянутой.

Горюнов улыбнулся в ответ, сел за стол, выдвинул ящик стола, достал оттуда два стакана и несколько ирисок «Золотой ключик». Поставил стаканы на стол, жестом пригласил полковника сесть.

Ковалев уселся, открыл бутылку, разлил коньяк.

— Я буду откровенно говорить, без всяких там экивоков, — сказал он и взял стакан с янтарным напитком. — С Тимуром Руслановичем у нас отношения не очень задались. Сложный он человек... — Ковалев замолчал, посмотрел на Горюнова и добавил: — Нет, не плохой. Но сложный.

— Да вы не бойтесь, Александр Семенович. Кесаев, прямо скажем, человек себе на уме, — улыбнулся Горюнов.

— Что ж вы с ним тогда единым фронтом?.. — спросил Ковалев.

Горюнов взял стакан.

— А как иначе? Офицер предполагает, а начальство располагает. Мы же все люди подневольные.

Горюнов отсалютовал Ковалеву стаканом, выпил залпом.

* * *

Пили не спеша, но первая бутылка все равно быстро закончилась. Горюнов сходил за второй. Говорили о разном, вспоминали общих знакомых, травили анекдоты, но к делу потрошителя не возвращались, словно сговорившись.